

Из цикла «Дурацкие рассказы. Из старых времен»

Сугробин

Приехал я как-то с приятелем в родную деревню – показать, как жил в прошлой жизни. Поставил машину в проулке, чтобы не мешать другим, идем по улицам, я ему показываю: здесь это было, здесь то, а здесь вот и до сих пор стоит, только покосилось... Никого уж из одноклассников, дружков детства и юности, в деревне не осталось: кто, как мои родители, сам помер, кто спился, кто повесился, у кого, слава Богу, все сложилось и потому они, конечно, не в деревне живут. То есть встретить знакомого совершенно невозможно, никакого риска, что разоблачат тебя, даже если соврешь.

И вдруг навстречу идет существо такое: не то баба, не то мужик, в старую телогрейку запахнутое (дело было зимой – не лютой, но все-таки сибирской), в такой же старой козьей шали на голове, из-под телогрейки – юбка, из-под юбки – валенки. Рост при этом – под два метра. А на морде – усы густые, черные, и реденькая такая, не в пример усам, бородка. Приятель аж остановился – что за чудо такое! Чудо с нами поравнялось, пристально на меня посмотрело – и вдруг поздоровалось писклявым таким голосом:

- Здравствуй, Саша! Давно не приезжал.

Тут я его (это был все-таки он) узнал. Ответил, остановился, поговорили немного – кто недавно умер, кто уехал, как деревня живет. «Хреново живет, конечно, как все деревни». Покурили – я угостил. Односельчанин нет-нет – да поглядит на приятеля моего, а тот всё ничего понять не может, и на лице его – растерянность и недоумение.

- Ладно, - пропищало дискантом чудо, затоптало окурок и засмеялось тоненько, - пойду, а то друг твой совсем от страха ё...нется. Ты ему расскажи уж, а то спать ночами не будет – что за чудо ему привиделось, станет думать. Ну, давай, покудова.

И пошел.

Приятель дико посмотрел ему вслед, потом – выжидательно – на меня.

- Ну?..

- О, это история! Ну, слушай...

* * *

Дело было в эпоху холодной войны и железного занавеса, в пору правления бровастого генсека. Не знаете, что такое железный занавес и холодная война? Ну, погуглите. И с бровастым генсеком, если не знаете – кто это, гугл тоже поможет. Он, гугл, все знает, как КГБ в старые времена. Я кратенько поясню: холодная война – это когда мы были против всех (кроме тех, кого кормили с ладони), а железный занавес – это чтобы никто не видел, что у нас внутри. Примерно как сейчас или как скоро будет, только тогда еще в каждом доме было проводное радио, и мы возбуждали себя по утрам гимном – тем же, что теперь, только с другими словами.

Историю эту я помню хорошо потому, что был в то время уже не мальчиком и даже не юношей: отслужил в армии и вернулся в деревню, работал трактористом. Деревня наша... назовем ее Березовка, потому как в Сибири у нас этих Березовок не то что в каждой области и каждом крае – в каждом районе по несколько штук случается. Так вот. В нашей Березовке был совхоз. Худенький такой совхозишко, в три отделения, одно другого краше. Не везло совхозу с директорами: то пьяница, то вор, то всё вместе. Глядя на директоров, и народ вел себя так же: пил и воровал. За все время существования хозяйства, до самой кончины советской власти, случился один нормальный директор: не пил, не воровал и народ к тому же призывал. На несворованные деньги успел построить целую новую улицу казенных двухквартирных домиков. Народ вроде восторжен, поверил в него, о работе вспомнил, о деле, стал заново руки к делу приспособлять... Его

парторг сожрал, скотина. Парторг был вечный, неснимаемый, ему вороватые и пьяные директора нравились больше, чем трезвые и честные. При тех он себе жизнь устроил, дом отгрохал, а при этом даже кабинет не мог толком оформить: новый директор его в другой кабинет пересадила, поменьше и поскромнее. Старый был – с мраморными статуями и персональным туалетом.

У трезвого и честного директора была одна страстишка: бабы. Сам-то он еще жениться не успел, хотя было ему вокруг сорока, но что-то не получилось, не сложилась как-то жизнь в этой части. Он и тешил себя, как в книжках пишут, случайными связями, не превращая эти связи в брачные узы. Но и здесь тоже вел себя честно: обихаживал незамужних или разведенных. Или вдов, которые в деревне тоже были. Повальное пьянство без жертв не обходится.

Да ему и обихаживать не надо было: мужик видный, чернобровый, черноусый, и имя – Владлен. Понятно, в честь кого. Бабы к нему сами и липли, чуть не очередь занимали. И вот одна вдовушка попалась вредная, решила его на себе женить, а он не хотел никак, и вообще понимал, что зря с ней связался. Больно уж вредная и корыстная. Бабенка по благу устроила себе справку о беременности, пришла к парторгу, пустила слезу, тот настучал кому надо по партийной линии, пока разобрались – что к чему, директора убрали. Из партии не погнали, но перевели в другой совхоз от греха. Бабенкину хитрость разоблачили и пригрозили. Та загрустила: дура, хоть временный мужик был, а теперь? И другие бабы ей коварства не простили, стали обходить ее.

В совхоз прислали нового директора, задубевшего от профессионального пьянства, он в первый день позвал парторга, закрыл дверь – и они напились за знакомство. Все пошло, как всегда.

Но не о том история.

В совхозе был бригадир, тракторист-комбайнер, звали его Федор Михалыч. Как Достоевского. Только фамилия была – Сугробин. Он и был здоровенный, как сибирский сугроб. Он один в совхозе исправно работал при всех директорах, не пил, не воровал и бригаду держал навтыжку. Неплохо зарабатывал, жена его торговала в хозмаге (не знаете, что такое хозмаг? Гугл в помощь!), растили троих ребятишек-погодков и думали родить четвертого... Не случилось.

Как-то утром, причесываясь перед зеркалом и любуясь своим сильным голым торсом, Федор Михалыч вдруг заметил, что у него соски на груди как-то странно набухли, как будто воспалились. «Застудил где или инфекция какая?» - других мыслей не родилось. Покачал головой: пройдет. Мужик он был здоровый, отродясь ничем, кроме простуды, не болел, потому ничего не боялся и скоро забыл о том, что видел в зеркале.

В другой раз тоже утром, бреясь опять же перед зеркалом, он хотел помочь радиоточке допеть гимн – и неожиданно заорал пронзительным дискантом. Жена испуганно выглянула из кухни:

- Чего это, Федя? Это ты, что ли?

Федор Михалыч смущенно пожал плечами, откашлялся.

- Да вроде я, - сказал уже нормальным голосом и успокоился. – Не знаю – может, в горло что попало.

По субботам Федор Михалыч, как большинство мужиков в деревне, ходил в общественную баню с парилкой. Была и своя баня, но общественная – отдельное удовольствие. Парилка там – место общения, мужской клуб. Там рассказывали сальные анекдоты, но и делились взглядами на жизнь. А после баньки продолжали обмениваться взглядами в буфете, который находился здесь же, в соседнем с кассой помещении. Там продавали ядреный брусничный морс и, конечно, разливное пиво. Вот и в ту субботу Федор Михалыч собрал, как обычно, специально для бани назначенную баетку – маленький чемоданчик с замком, пошел в баню, предвкушая удовольствие и от парилки с веничком – нес его под мышкой, веники он заготавливал самолично на весь год, летом, в сезон, - и от общения с мужиками. Раздеваясь, услышал сзади, у соседней кабинки:

- Мать-перемать! Ну что за дура, ей-богу! – ругался на чем свет стоит Сергей Иванович Мельников, совхозный токарь, грузный квадратный мужик. – Ну смотрите, что она мне положила! – он тряс перед собой большими женскими трусами. – Перепутала, дура! А я теперь как? Ну... - и снова матерился забористо.

Мужики ржали. Вдруг, отсмеявшись, один из них сказал, внимательно глядя на Федора Михалыча:

- Слышь, Михалыч, может, они тебе подойдут? Чего-то сиськи у тебя отросли, как у бабы.

Мужики снова заржали. Федор Михалыч хотел было приласкать шутника своей могучей рукой, но передумал. Баня как-никак, суббота... праздник почти. Но мылся и даже парился уже без привычного удовольствия. И то и дело ловил на себе любопытные взгляды. А еще заметил, что как-то... стеснялся. Неловко почему-то было ему, что вокруг – голые мужики, и он среди них – тоже голый. Пиво пить не стал, сразу пошел домой, хмурый и озадаченный.

Дома, однако, выпил привычные сто граммов, закусил, выкурил две папиросы – и как-то рассосалось, забылось, мир снова стал добрым и привычным. И косой, украдкой, изучающий взгляд жены тоже не заметил. Не обратил внимания. Мы часто не замечаем – как на нас смотрят наши близкие. Очень уж они привычны, слишком уж близки.

Ночью перед сном Федор Михалыч почувствовал нежность к жене.

- Мы ж хотели с тобой четвертого?

Жена была не против. А он посопел – и ничего не смог. Это случилось впервые за много лет их жизни. Ошарашенный, оглушенный первой в жизни неудачей, Федор Михалыч, натянув трусы, пошел в кухню курить. Дети спали в дальней комнате.

Жена вышла к нему, села напротив, посмотрела на него прямо. Свет не зажигали, только луна бросала косой луч на клеенку стола.

- Федя, я давно хотела тебе сказать...

Он махнул рукой.

- Знаю. Не то что-то со мной, сам чувствую. Может, вирус какой? Бывает же так, подхватит человек вирус, и у него... не стоит... - он беспомощно посмотрел на жену.

Та вздохнула.

- Нет, Федя. Это не вирус. Ты посмотри на себя в зеркало. У тебя грудь, как у женщины... - И закончила решительно: - К доктору тебе надо. Я уже узнала – к какому.

Федор Михалыч по привычке хотел возмутиться – что значит «узнала»? почему без моего ведома? – и только снова бессильно махнул рукой.

- Говори. Поеду.

...В районной поликлинике Федор Михайлович провел весь день. Доктор дал направление, его гоняли на анализы, просвечивали рентгеном, остукивали со всех сторон молоточками. А еще через два дня с готовыми анализами он снова пришел к доктору. В кабинете доктор был не один, рядом сидели еще двое – пожилой лысый и совсем молодой – наверное, стажер, - все в халатах и серьезные. Доктор предложил ему сесть и заговорил.

- Вы мне кажетесь сильным мужчиной, - лысый быстро глянул на него и чуть заметно качнул головой, - вы сильный человек, - повторил доктор – как потом оказалось, не просто повторил, а поправился, - поэтому я... поэтому мы не будем ходить вокруг да около... Вот Николай Сергеевич – он профессор, специалист по... - дальше доктор произнес длинное название, которое Федор Михалыч от волнения не запомнил, - он вам все расскажет.

Николай Сергеевич повернулся к пациенту. Голос его звучал бесстрастно, без сочувствия. Он как будто читал лекцию. Начало прозвучало неожиданно – так, что даже его коллеги вскинули брови.

- С вами случилась беда, от которой вы не умрете, - произнес Николай Сергеевич и внимательно посмотрел на Федора Михалыча. – По непонятной причине – непонятной не только нам, но вообще пока неизвестной науке – у вас в организме стали стремительно

вырабатываться женские гормоны. То есть они есть у всех, как и мужские, но у вас женских стало вырабатываться значительно больше, чем мужских. Говоря проще, вы стали стремительно превращаться в женщину. – Профессор еще раз внимательно посмотрел на Федора Михалыча и закончил безжалостно: - И процесс этот необратим.

В глазах Сугробина запрыгал кабинет, раздвоились врачи, он стал сползать на пол. Доктор кивнул стажеру – его на этот случай и позвали, - тот подскочил, усадил пациента обратно на стул, сунул под нос нашатырь. Федор Михалыч пришел в себя.

- Необратим – значит, буду... бабой? – тихо спросил он, и голос его звучал не по-мужски.

- Уже, - коротко ответил профессор. – Уже стали.

- Что же делать? – скорее выдохнул, чем спросил Сугробин.

Николай Сергеевич вздохнул.

- Это и есть самый трудный вопрос... Существует два пути: либо сделать операцию – и вернуть вам мужское достоинство в полном объеме, либо сделать вас полноценной женщиной – для этого опять же требуется операция. Убрать то, что больше не понадобится, и... скажем так – встроить то, что должно быть у каждой женщины. Только детей рожать не сможете все равно.

- Погодите! – тонко закричал Федор Михалыч. – Что вы мне тут – детей, рожать, женщина... Где такие операции делают, чтобы снова – в мужика? Говорите адрес, любых денег не пожалею, сберкнижку очищу, любую очередь отстою!

Николай Сергеевич снова вздохнул.

- Что ж, пишите адрес: Соединенные Штаты Америки, Нью-Йорк...

Сугробин дико посмотрел на него:

- Издеваетесь?

- К сожалению, нет. Дело в том, что в Советском Союзе операции по смене пола запрещены. В любую сторону.

- Так я же не менять – я же вернуть хочу!

- С медицинской точки зрения вы – уже женщина. Но и полноценной женщиной вас тоже никто здесь, у нас сделать не сможет. По той же причине. Такая вот история...

О том, что было дальше, расскажу коротко.

Жена мягко, но решительно предложила Федору Михалычу переехать в дом недавно (очень вовремя!) умерших его родителей. Аргумент звучал просто и убедительно:

- Что я должна говорить детям? А так скажу – разошлись...

Вся деревня узнала о недоделанном транссексуале в несколько дней. Хозмаг пришлось на несколько дней закрыть, якобы на ревизию: деревенские приходили сюда группами, чтобы задавать дурацкие вопросы. Пьяный парторг выговаривал похмельному директору:

- Ну разве хорошо, что ведущий бригадир у тебя – пидарас?

Тот изумленно спрашивал:

- Почему – пидарас? Он ни то, ни сё...

- Ну, какая разница? Тебя же все директора засмеют, а как партийное начальство посмотрит?!

С бригадиров Федора Михалыча сняли, назначили другого, молодого, недавно выучившегося, но уже бывшего рекорды опытных трактористов-комбайнеров. Звали его Саша. Это был я.

Через неделю Саша подошел к Федору Михалычу, отвел его в сторонку.

- Слушай, Михалыч, тут такое дело...

Слушать тот не стал, сказал только:

- Завтра заявление напишу, попрошу перевести в кочегары.

Саша виновато развел руками:

- Понимаешь, они теперь тебя кроме как Паша Ангелина никак больше не зовут...

(Не знаете Пашу Ангелину? Гугл, гугл!)

Михалыч только плюнул.

Жил он с той поры бобылем, в общественную баню, конечно, не ходил, топил баньку себе сам, сам и мылся, один. Париться любил по-прежнему. А вот водки не пил совсем, даже после бани. Иногда приходила жена, готовила еду – вот чем-чем, а кулинарным искусством Сугробин так и не овладел.

Грудь у него выросла большая, размера четвертого. Сначала он просил жену покупать ему бюстгалтеры. Но со временем деревня успокоилась, Федор Михалыч стал даже кем-то вроде местной достопримечательности, к нему в новом его качестве привыкли, некоторые стали даже захаживать в гости. Даже повзрослевшие дети приходили без опаски и звали его папой.

Одно ему только мешало: ненужное теперь мужское хозяйство.

- Ну, болтается и болтается, зараза, хоть к ноге привязывай! – жаловался он как-то Саше и спрашивал с надеждой: – Может, доживем до времени, когда его можно – того...

Саша только усмехался. На усмешки бывший бригадир не обижался, понимал: люди – всегда люди, и если с ним такое приключилось – ну, пусть посмеются, что ж...

И усы у него расти не перестали. Главное – не седели с возрастом. Бородка пробивалась жидкая, редкая, а вот усы были могучие – пышные и черные.

Саша, отработав два года бригадиром, все-таки поступил в институт, уехал из деревни...

-...И вот теперь рассказываю тебе эту историю, - закончил я.

Приятель мой только крутил головой.

- Мы фантастику на других планетах ищем, а тут – вот она, фантастика!

Мы выкурили еще по сигарете и пошли к машине. Начало смеркаться, а дорога была неблизкой.

Когда переехали через мост, приятель в последний раз посмотрел на деревню – и вдруг впился в мой рукав – я едва не въехал в сугроб, затормозил.

- Смотри!

Над крайней избой, стоявшей на заметном отдалении от других, столбом поднимался дым из печной трубы... Нет, он поднимался не столбом: он стоял огромным фаллосом. Черты были резки и четки, какими они бывают на линогравюре.

- Да-да, - ответил я на немой вопрос моего приятеля, - это его дом. А летом у него на грядке морковь родится такой же формы. Знаешь, сколько он за нее на базаре выручает!

Ноябрь 2015 г.